

**К 50-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН
И 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б.Ф. ЛОМОВА**

**СТОЛКНОВЕНИЕ ПАРАДИГМ В СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ 1970-х: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ***

©2022 г. В.И. Коннов*

*Кандидат социологических наук, доцент, кафедра философии им. А.Ф. Шишкина, ФГАОУ ВО МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76; e-mail: v.konnov@inno.mgimo.ru

DOI: 10.38098/ipran.sep_2022_25_1_01

Поступила в редакцию 11 октября 2021 г.

Аннотация. В статье предлагается анализ научной дискуссии, развернувшейся в 1970-е гг. вокруг теории деятельности. В качестве главных участников рассматриваются автор теории А.Н. Леонтьев и Б.Ф. Ломов, выступавший за то, чтобы использовать в качестве теоретической основы для психологии системный подход. Анализируются тексты статей двух авторов, их выступления, а также социально-политическая ситуация в психологии, в условиях которой разворачивалась дискуссия. В качестве основных тем обсуждения выделяются проблема соотношения биологического и социального в психологии, понимание категории «отражение», а также вопрос природы психического. Анализ исходит из гипотезы, что причиной данной дискуссии, помимо собственно теоретических разногласий, послужил конфликт интересов различных групп в советской психологии, которые представляли Леонтьев и Ломов. Разбор исторических обстоятельств показывает, что Леонтьев представлял университетскую психологию, ориентированную на высокий уровень теоретической оригинальности, сокращение заимствований идей зарубежных психологов, компактные эксперименты и преобладание преподавательской работы. Ломов же выступал от лица академической психологии, ориентированной на масштабные эксперименты, прикладные работы и активное использование зарубежных подходов и методик. Делается вывод о том, что конкуренция теории деятельности и системного подхода может рассматриваться как столкновение двух парадигм советской психологии, каждая из которых была связана с определенной эпохой: теория деятельности – с периодом 1920-30-х, характеризовавшимся дефицитом ресурсов, акцентом на преподавании и предельным вниманием к теоретическим формулировкам, связанным с жестким идеологическим контролем, а системный подход – с периодом «большой науки», которому было свойственно выделение психологических исследований как особой профессии, не обязательно связанной с преподаванием, и расширение взаимодействия с условными заказчиками исследований, в большей степени заинтересованными в четкости методик и полученных с их помощью результатов.

Ключевые слова: история советской психологии, системный подход, теория деятельности, парадигмы психологии, Институт психологии РАН.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект №16-06-00928.

В.И. Коннов

Столкновение парадигм в советской психологии 1970-х:
теоретические и социально-политические истоки

Создание в системе Академии наук СССР Института психологии – важнейшее событие в истории отечественной психологической науки позднего советского периода. Появление института, который начал работать в 1972 г., означало официальное признание психологии в качестве полноправной, объективной в соответствии с марксистскими критериями науки. До этого момента наиболее представительными психологическими центрами были соответствующие факультеты московского и ленинградского университетов, а также Научно-исследовательский институт психологии Академии педагогических наук СССР. И университеты, и АПН находились в ведении Министерства просвещения и, одновременно, – под контролем местных партийных органов. «Большая» же академия подчинялась Совету министров СССР, а по партийной линии контролировалась ЦК партии. Таким образом, академический институт стоял на ступень выше в государственной иерархии, что обеспечивало большие возможности с точки зрения обеспечения финансовыми и другими ресурсами, а также выводило его из-под идеологического контроля местных партийных органов.

Учредительными документами на новый институт возлагалось «осуществление функций головного института в научной разработке общей, социальной, производственной, инженерной, педагогической, медицинской психологии» и «оказание теоретической и методической помощи <...> соответствующим научным и идеологическим учреждениям по этим отраслям науки» (Постановление Президиума..., 1971, л. 17). По сути, это означало, что от института и его директора – Бориса Федоровича Ломова ожидалось формирование основ психологической теории и образцов эмпирической работы, которые смогут служить обязательным ориентиром для всех остальных психологических учреждений страны, т.е. фактически – формирование парадигмы советской психологии именно в том смысле, в котором понимал

В.И. Коннов

Столкновение парадигм в советской психологии 1970-х:
теоретические и социально-политические истоки

«парадигму» Т. Кун – сочетание образцов экспериментальной работы с особым языком и объяснительными моделями, которое позволяет упорядочить научную дисциплину и перевести ее в режим «нормальной» исследовательской работы (Кун, 2003; Kuhn, 1977).

Ситуация же в психологии была такой, что реализация этого положения практически неизбежно вела к столкновению научных школ. Среди советских теоретиков наибольшим признанием пользовался Алексей Николаевич Леонтьев – декан психологического факультета Московского университета и автор *психологической теории деятельности*. Основой этой теории служила идея о том, что психические процессы возникают в результате преобразования различных форм внешней деятельности. Из этого следовало ключевое методологическое положение: психические процессы следует изучать как результат истории изменений внешних практик и, таким образом, данный подход также претендовал на парадигмальную роль.

Идеи Леонтьева были известны и среди отечественных, и среди зарубежных психологов, и при этом он располагал поддержкой партийного аппарата (Sirotkina, Smith, 2012, p. 436). Однако и противников у него было немало. Критически к его идеям относились представители ленинградской школы, признанным лидером которой был Борис Ананьев и которую представлял Ломов. Ленинградцев не устраивало то, что концентрация внимания на истории формирования психических процессов вытесняла из поля зрения психологии другие исследовательские объекты – свойства личности, социальную ситуацию, психофизиологические процессы (Ананьев, 1980, с. 137; Мясищев, 1960, с. 7). Критика в адрес Леонтьева исходила и со стороны Сергея Рубинштейна – лидера философской школы советской психологии, центром которой был сектор философских проблем психологии Института философии АН СССР. В его работах предлагалось альтернативное понимание

В.И. Коннов

Столкновение парадигм в советской психологии 1970-х:
теоретические и социально-политические истоки

деятельностного подхода. Ключевым в нем было положение об «органическом единстве сознания и деятельности», но при этом не допускалась возможность вывести первое из последней, что шло вразрез с исследовательской программой Леонтьева (Рубинштейн, 1959, с. 135). Напряжение существовало и между Леонтьевым и лидером школы дифференциальной психофизиологии Борисом Тепловым, руководившим лабораторией в НИИ психологии АПН СССР. На знаменитой Павловской сессии 1950 г. (подробнее см.: Стоюхина, Журавлев, 2021; и др.). Теплов был среди группы, выступавшей за перевод психологии на психофизиологическую базу. Леонтьев же оказался среди теоретиков, подвергнутых Тепловым резкой критике за неспособность перенести психологию на научную, «павловскую» основу.

К моменту открытия Института психологии АН СССР лидерство во всех трех школах перешло к преемникам их основателей – тепловской лабораторией руководил В.Д. Небылицын, психологическим сектором ИФ АН СССР – Е.В. Шорохова. Оба подразделения были частично или полностью переведены в состав ИП, а их руководители – назначены заместителями директора по научной работе. Из старшего поколения открытие института застал Борис Ананьев, но уже в мае 1972 г. его не стало, и мало у кого вызывало сомнение, что роль главы ленинградской школы перешла к Ломову. Таким образом, у руководства институтом оказались лидеры сразу трех течений, имевших теоретические разногласия с Леонтьевым. Сам же он, будучи членом комиссии, готовившей проект ИП, на стадии обсуждения выступал против создания института (Пономаренко, 2012, с. 75-76). Таким образом, новая расстановка сил с самого начала располагала к столкновению школ.

В.И. Коннов

Столкновение парадигм в советской психологии 1970-х:
теоретические и социально-политические истоки

Предметное поле психологии

Сразу же надо сказать, что это столкновение не выплеснулось на публику. В воспоминаниях современников нет свидетельств о личных конфликтах двух главных оппонентов, хотя неловкие ситуации иногда и возникали между представителями «ленинградской» и «московской» школ (Кондратьев, 2015, с. 52-53). Не найти личных выпадов в адрес друг друга и в их работах. Более того, Ломов, как младший партнер, практически никогда не пропускал возможности с уважением упомянуть старшего Леонтьева. Тот также отвечал вниманием к работам младшего коллеги, в первую очередь, по инженерной психологии. В случаях же, когда надо было представить психологическое сообщество в целом, они неоднократно выступали сообща, в роли соавторов. Так было в 1963 г., когда в «Вопросах психологии» вышла статья «Человек и техника», нацеленная на то, чтобы закрепить роль психологов в разработке новых технологий (Леонтьев, Ломов, 1963). В 1973 г. в статье «Парапсихология: фикция или реальность?» они участвуют в публикации, призванной подчеркнуть скептическое отношение психологии к исследованиям телепатии (Зинченко и др., 1973). А в 1976 г. – совместно с консультантом отдела науки ЦК КПСС В.П. Кузьминым – публикуют программную статью в главном идеологическом журнале «Коммунист» (Леонтьев и др., 1976).

Леонтьев и Ломов часто встречались на официальных мероприятиях, связанных с психологией, в том числе на ученом совете ИП АН СССР. В архивах сохранились стенограммы заседаний, которые дают представление о характере разногласий между двумя психологами. Взгляд Ломова на теорию деятельности отражен в его докладе на самом первом заседании, состоявшемся в июне 1972 г. Заявив о том, что «разработка проблемы деятельности» определенно входит в круг задач нового института и отметив, что «эта

В.И. Коннов

Столкновение парадигм в советской психологии 1970-х:
теоретические и социально-политические истоки

проблема, по существу, начала разрабатываться именно в нашей стране», он определяет ее положение следующим образом: «В связи с развитием ряда специальных областей психологии проблема деятельности приобрела острое значение. При этом имеет смысл обратить особое внимание вопросам психологии регуляции деятельности, прогнозированию и планированию деятельности. В этом отношении имеются некоторые исследования в Советском Союзе. Я думаю, что они могли бы послужить почвой для разработки всех проблем. Наряду с разработкой проблемы деятельности в нынешней ситуации имеет смысл развернуть исследования в области проблемы общения, я имею в виду психологические аспекты общения. Если в области разработки проблемы деятельности достигнуты большие успехи, проблема общения находилась вне поля конкретных научных исследований. Между тем здесь возникает целый ряд специальных вопросов, и я думаю, что в составе Института целесообразно заняться проблемой общения, механизмов, его средств и способов, соотношения процессов общения, познания и деятельности» (Стенограмма, 1972, л. 9-10). Таким образом, Ломов, высоко оценивая значение теории деятельности, воспринимал ее не как общеметодологическую основу психологии, а как одну из проблем, связанную с рядом специальных тем.

Присутствовавший на этом заседании Леонтьев не вступил с докладчиком в дискуссию. Однако его взгляд на охват теории деятельности был озвучен на другом заседании, состоявшемся несколько месяцев спустя, на котором обсуждались две его статьи, посвященные основам теории деятельности. Отвечая на вопрос Е.В. Шороховой, в котором она просит наметить основные «узлы» теории, пригодные к разработке «на уровне позитивного эксперимента», Леонтьев дает предельно широкий перечень направлений, куда попадают и психология личности, и дифференциальная

В.И. Коннов

Столкновение парадигм в советской психологии 1970-х:
теоретические и социально-политические истоки

психология, и психология развития, и детская психология, и социальная психология (Протокол №1, 1973, л. 18-25). Далее, в дискуссии с П.К. Анохиным о разграничении физической деятельности и деятельности как психологической категории Леонтьев прямо возражает против такой границы: «Это заставляет меня протестовать против всякой попытки действовать по формуле “кесарево – кесарю, а богу – богово”» (там же, л. 28).

Надо сказать, что вопрос предмета имел критическое значение для советской психологии. Выделение особого предметного поля было связано с отграничением ее, с одной стороны, от биологического изучения человека, а с другой – от социального – первое рассматривалось как задача физиологии, второе – исторического материализма, который выступал в роли советской версии социологии. Это была непростая задача, так как нужно было показать, что у психологии есть свой материальный объект для исследования, что позволило бы ей считаться наукой, а не разделом философии, и тут же обосновать, что этот объект обладает спецификой, не позволяющей свести методы его исследования к инструментарию физиологии. Решение, предложенное Леонтьевым, отличалось элегантностью. В статье 1960 г. он заявляет, что «специфически человеческие способности и функции складываются в процессе овладения индивидом миром человеческих предметов и явлений», а «их материальный субстрат составляют прижизненно формирующиеся устойчивые системы рефлексов». Таким образом, для психологии определен надежный объект – системы рефлексов, – но, получается, что по своей природе он явно попадает в область изучения физиологии. Нет, считал Леонтьев, не попадает. «Если в высших психических процессах человека различать, с одной стороны, их форму, т.е. зависящие от морфологической “фактуры” чисто динамические особенности, а с другой стороны, их содержание, т.е. осуществляемую ими функцию и их структуру, то

В.И. Коннов

Столкновение парадигм в советской психологии 1970-х:
теоретические и социально-политические истоки

можно сказать, что первое определяется биологически, второе – социально. Нет надобности напоминать, что решающим является *содержание*». И таким образом, «процесс овладения миром предметов и явлений, созданных людьми в ходе исторического развития общества, и есть тот процесс, в котором происходит формирование у индивида специфически человеческих способностей и функций» (Леонтьев, 1983, с. 94). Выходит, что системы рефлексов выступают одновременно и материальным объектом – органами особого рода, – но одновременно они требуют исследования с социальной стороны, через историю их формирования.

Оригинальность Леонтьева позволила ему не противоречить положениям марксизма-ленинизма, в которых изначально заложено неприятие феноменологических концепций. Любое учение, рассматривающее психический мир человека как реальность особого рода, расценивалось как продолжение идеализма, который, в свою очередь, связан с религиозным мировоззрением, враждебным классовым интересам пролетариата. Леонтьев, по сути, решает задачу создания психологической теории, в которой не было бы представления о психическом как реальности особого рода. Однако следствием этого становится разрыв с основным вектором развития западной психологии, в которой в 1960-70-е гг. на первый план выходит когнитивное направление, основанное именно на рассмотрении психических процессов как особых феноменов.

Выступление Ломова на тему биологического и социального состоялось в 1976 г. И в отличие от Леонтьева, он аккуратно, но настойчиво ведет к признанию особой природы психического. «Говоря о социальной обусловленности нейрофизиологии человека, важно отметить, что здесь вряд ли имеет место прямое, непосредственное влияние социального на физиологическое. Оно опосредствуется психикой человека» (Ломов, 1976, с.

В.И. Коннов

Столкновение парадигм в советской психологии 1970-х:
теоретические и социально-политические истоки

88). Какова же природа этого посредника? Ответ Ломова – системная. «Психическое в отношении к нейрофизиологическому рассматривается как системное качество. Психические явления сопоставляются не с отдельными нейрофизиологическими процессами, а с организованными совокупностями таких процессов. При этом (что важно подчеркнуть) способ организации трактуется как детерминируемый не внутримозговыми отношениями, а взаимодействием организма со средой, прежде всего – с поведением» (там же, с. 89). К 1976 г. общая теория систем уже чрезвычайно популярна среди советских ученых, и для психологии как нельзя лучше подходит ее постулат о том, что система элементов в результате их взаимодействия может приобретать новые свойства, которыми ни один из этих элементов не обладает.

Расхождения между Леонтьевым и Ломовым проявлялись и по поводу категории отражения, которая служила в марксистско-ленинской традиции основной для раскрытия понятия психического. Ключевым вопросом было то, из каких процессов оно складывается. В статье 1970 г. Леонтьев дал на этот вопрос определенный ответ – решающую роль играют эфферентные процессы. Иначе говоря, отражение формируется в результате активных действий человека. «<...> Когда эти звенья имеют свое выражение в моторике или микромоторике, они выступают достаточно отчетливо; в других случаях они являются “упрятанными”, выражающимися в динамике текущих внутренних состояний рецепирующей системы. Но они всегда существуют. Их функция является “уподобительной” <...>» (Леонтьев, 1970, с. 41)

Теорию о том, что отражение складывается в результате уподобления – повторения, копирования предметов окружающего мира, Ломов, излагая в своей главной теоретической книге собственный взгляд на природу отражения, осторожно характеризует как неподтвержденную: «Достаточно строгих ее подтверждений еще нет. Вместе с тем проводимые исследования порождают

В.И. Коннов

Столкновение парадигм в советской психологии 1970-х:
теоретические и социально-политические истоки

много сомнений. Однако они не дают пока оснований и отвергать эту гипотезу полностью» (Ломов, 1984, с. 154). В любом случае, главной, по мнению Ломова, должна быть другая линия: «<...> Вряд ли оправдано связывать механизм психического отражения с работой какого-либо одного звена воспринимающей системы: рецепторного, центрального или эфферентного. По-видимому, исследуя механизм психического отражения, нужно брать всю систему в целом, всю совокупность развертывающихся в ней процессов» (там же, с. 155).

В этом расхождении проявляется принципиальное различие теорий. Для Ломова психическое складывается из множества процессов, имеет системный характер и может изучаться через исследование широкого круга различных феноменов. Для Леонтьева же основой психики, на которой должна быть сосредоточена психология, являются процессы, направленные от человека на внешний мир, все то, что укладывается в понятие «деятельность». Ее основной характеристикой выступает нацеленность на какой-то внешний предмет – «предметность». В одной из своих главных теоретических статей «Проблема деятельности в психологии» Леонтьев пишет: «Деятельность может *казаться* беспредметной, но научное исследование деятельности необходимо требует открытия ее предмета. При этом предмет деятельности выступает двойко: первично – в своем независимом существовании, вторично – как психический образ предмета, как продукт "детектирования" субъектом его свойств, которое осуществляется в результате деятельности субъекта и иначе осуществиться не может» (Леонтьев, 1972, с. 98). Отсюда следует важный вывод: «<...> *Внешняя и внутренняя деятельность имеют одинаковое общее строение*» (там же, с. 104, *курсив – А.Л.*).

В.И. Коннов

Столкновение парадигм в советской психологии 1970-х:
теоретические и социально-политические истоки

Исследовательские программы А.Н. Леонтьева и Б.Ф. Ломова

Положения, изложенные выше, служат основой исследовательской программы Леонтьева. В центре ее внимания различные виды деятельности, в каждом из которых можно выделить ряд элементов – цель, мотив, действия и операции. Внутренняя деятельность также раскладывается на эти единицы, и их можно зафиксировать в лабораторных условиях. Следующий шаг – установить связи между деятельностью и физиологическими процессами в мозге. При этом это вовсе не означает «спуск» с психологического на физиологический уровень. Характеризуя психологические исследования мозга и органов восприятия, Леонтьев пишет: «Законы, управляющие процессами их функционирования, конечно, проявляют себя, но лишь до того момента, пока мы не переходим к исследованию их результата в виде предметного действия или образа, анализ которых возможен лишь на уровне психологического анализа деятельности человека» (там же, с. 108).

Прямой ответ Ломова на эту программу увидел свет уже после смерти Леонтьева – в опубликованной в 1981 г. статье «К проблеме деятельности». Она прямо направлена на то, чтобы сместить теорию деятельности с места рамочной теории психологии. Основные аргументы Ломова – следующие: внешняя и внутренняя деятельность, по сути, неразделимы и всегда протекают совместно, соответственно, механизм интериоризации не может использоваться для объяснения возникновения «внутренней» деятельности, а психические процессы не сводятся к интериоризованной «внешней» деятельности. Естественно, из этого следует вывод: исследовательская программа Леонтьева не может быть реализована. Теория деятельности не отвергается, ей отводится «важнейшая роль» в системе психологических категорий. Но – «вместе с тем “объяснительный потенциал” этой категории может быть эффективно использован только в системе других категорий, таких, как общественные

В.И. Коннов

Столкновение парадигм в советской психологии 1970-х:
теоретические и социально-политические истоки

отношения, общение, личность, сознание и др.» (Ломов, 1981, с. 21). И более того, «деятельность, рассматриваемая безотносительно к ее субъекту (например, при алгоритмическом ее описании), никакими психологическими характеристиками, конечно, не обладает» (там же, с. 11).

Основы собственной исследовательской программы были сформулированы Ломовым ранее, в 1975 г., в статье «О системном подходе в психологии». Ее основной посыл: системный подход позволяет охватить все существующие на данный момент отрасли психологии и обеспечить их интеграцию. Суть же этого подхода в рассмотрении психологических качеств человека в качестве системных: «Являясь интегральными качествами, они недоступны прямому наблюдению и могут быть выявлены только путем научного анализа тех систем, которым принадлежит человек и закономерностям которых подчиняется его поведение (и его жизнь в целом)» (Ломов, 1975, с. 36). Главными для психологического анализа Ломов считает три системы – социальную, биологическую (человек как организм), и физическую (среда как совокупность физических предметов), замечая при этом, что перечень не является исчерпывающим.

«<...> Принадлежность человека многим системам, – писал Ломов, – так или иначе проявляется в его психологических качествах. Вместе с тем психика представляет собой нечто целое, интегральное». Эта интегральность поясняется следующим образом: «Единство психики как системы выражается в ее общей функции: являясь субъективным отражением объективной действительности, она выполняет функцию регуляции поведения». Однако несмотря на единство психики, «сама природа психического такова, что в процессе ее исследования мы сталкиваемся с необходимостью рассмотрения разнопорядковых отношений». И далее раскрывается методологическая основа подхода: «В ходе такого исследования выявляются отношения отражения к отражаемому объекту

В.И. Коннов

Столкновение парадигм в советской психологии 1970-х:
теоретические и социально-политические истоки

(отражение как образ объекта), отношение отражения к его носителю (отражение как функция мозга), отношение отражения к поведению (отражение как регулятор поведения). Все эти отношения реализуются в едином процессе, динамика которого зависит от конкретных условий его протекания» (там же, с. 39) В принципе, речь идет о том, чтобы описать психику как систему отношений, в которых она состоит с окружающим миром, иначе говоря, о моделировании. Ломов, конечно, осознавал трудности, связанные с этим методом.

Теория деятельности и системный подход как парадигмы

Если сравнивать теорию деятельности Леонтьева и системный подход Ломова в качестве исследовательских парадигм, то можно заметить, что первый выигрывал с точки зрения концептуальной четкости и практической реализуемости, а второй – обладал преимуществами универсальности и способности охватить все существовавшие на тот момент психологические направления. Если же смотреть на два подхода с точки зрения гносеологии, то их расхождения можно описать как характерные различия между монистической и плюралистической теориями. Следующая монистическому в своей основе марксизму, теория Леонтьева принимает в качестве стратегии поиск во всех исследуемых явлениях единого принципа, а в качестве результата исследования готова признать лишь сведение исследуемого явления к данному принципу. Теория Ломова, допускающая гораздо больше «вольностей» с марксизмом и принимающая его, скорее, на уровне терминов, чем содержательно, представляет собой вариант плюрализма, заведомо предполагающего множественность точек зрения и исходящего из того, что явление может раскрываться в результате его описания с каждой из них.

В.И. Коннов

Столкновение парадигм в советской психологии 1970-х:
теоретические и социально-политические истоки

Ситуация же, в которой разворачивалось это теоретическое противостояние, позволяет предположить, по крайней мере, три причины, по которым выйти из него нельзя было путем признания обоснованности обоих подходов и «полипарадигмальности» психологии.

Прежде всего теория деятельности претендовала на роль рамочной теории всей психологии, а не просто одного из исследовательских направлений, к примеру, психологии развития или когнитивной психологии. Ряд же направлений, которые после открытия Института психологии АН СССР попадали в его ведение, в принципе не вписывались в ее рамки, как например, дифференциальная психология.

Второй момент заключался в том, что теория деятельности сокращала перспективы прикладной работы, и главное – сильно ограничивала спектр исследовательских подходов, доступных инженерной психологии, которая была основным направлением для Ломова – Институт психологии АН СССР изначально задумывался именно как Институт инженерной психологии. Его усилия по созданию нового института увенчались успехом во многом благодаря поддержке со стороны промышленности, в том числе оборонной и др. Ярким примером работ, в которых они были заинтересованы, являются исследования для авиационной и космической отраслей (Экспериментально-психологические исследования..., 1978), которые с точки зрения методологии не связаны с теорией деятельности.

И наконец, третья причина заключалась в том, что подходы Леонтьева и Ломова представляли две принципиально разные эпохи в истории психологии. Их водоразделом послужила Вторая мировая война. Отличительными чертами послевоенной науки в целом стали ее сближение с военным делом и своего рода индустриализация научных исследований, когда научное сообщество, ранее существовавшее преимущественно как объединение энтузиастов,

В.И. Коннов

Столкновение парадигм в советской психологии 1970-х:
теоретические и социально-политические истоки

превратилось в часть важнейшей и для безопасности, и для экономики производственной цепочки, создававшей новые технологии.

Главной территорией, на которой были реализованы эти изменения, была физика, и в этом отношении масштаб преобразований, затронувших западный и советский научные комплексы, был примерно равным. В психологии же масштабы явно различались. Три главных направления военной работы психологов, обеспечившие резкий рост этого сообщества в США, – отбор военнослужащих по психологическим показателям, психотерапия военнослужащих и воздействие на моральный дух населения, – привели к буму в ряде психологических отраслей – в психологии способностей, психотерапии и социальной психологии, соответственно. В послевоенном же СССР эти направления развивались под воздействием других социально-политических факторов (Кольцова, Олейник, 2006), и бум, и то с некоторыми оговорками, произошел лишь в инженерной психологии, одной из главных книг которой была как раз «Человек и техника» Ломова (Ломов, 1966). Однако в ней в полной мере проявились черты новой организационной модели: резко возросший масштаб исследований, большие коллективы, включая многочисленный вспомогательный персонал, использование нового оборудования, а также сближение исследований с процессом проектирования. Теоретическая оригинальность и согласованность различных разделов психологической науки не выступали главным условием для проведения таких исследований. Гораздо больше внимания уделялось понятности результатов для заказчика и их соответствия его нуждам.

В принципиально иной ситуации проходило профессиональное становление Леонтьева. На характере эмпирических исследований, осуществлявшихся в 1920-30-е гг., сказывались общие трудности этого периода: в большинстве случаев они были сжатыми, осуществлялись с

В.И. Коннов

Столкновение парадигм в советской психологии 1970-х:
теоретические и социально-политические истоки

использованием минимума ресурсов и, по возможности, создание специальных экспериментальных ситуаций заменялось в них более доступным наблюдением. Одновременно это была эпоха накаленных теоретических дискуссий, что предопределяло предельное внимание к формулировкам и концепциям. Оригинальность играла особую роль, не в последнюю очередь и потому, что любое заимствование из зарубежных источников могло сразу же навлечь на автора обвинения в «подобострастии» к «буржуазной» науке. На характере работы сказывалось и то, что большинству психологов приходилось выполнять большую преподавательскую нагрузку – чисто исследовательских учреждений и должностей в области психологии было немного и за них шла особенно острая конкуренция. Что же касается самого Леонтьева, то на всем протяжении его карьеры преподавательская работа была в центре его внимания и занимала большую часть его времени (Леонтьев и др., 2005).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, теории Ломова и Леонтьева можно рассматривать как отражение двух принципиально разных форм существования психологии. В принципе, обстоятельства позволяют говорить о столкновении двух парадигм в куновском смысле этого слова. Сравнить их можно по ряду связанных между собой свойств.

Что касается содержания, то наиболее показательным представляется противопоставление теорий Леонтьева и Ломова как, соответственно, монистической и плюралистической. Теория деятельности являет собой достаточно закрытое теоретическое строение, тесно связанное с марксистской философией. В системном же подходе явно присутствуют заимствования из целого ряда концепций, как из современной Ломову зарубежной психологии,

В.И. Коннов

Столкновение парадигм в советской психологии 1970-х:
теоретические и социально-политические истоки

так и из других гуманитарных наук, и она, в принципе, легко проницаема для новых влияний.

По контексту формирования леонтьевскую теорию можно охарактеризовать как тесно связанную с вузовской психологией. Она логична, последовательна и способна удивлять – черты, которые востребованы в студенческой аудитории и которые вполне можно связать с богатейшим преподавательским опытом ее автора. Ломовская же теория, сложившаяся в период, когда ее автор руководил главным в стране психологическим НИИ, объединившим целый ряд сильно различающихся направлений, носит на себе отпечаток этого контекста: за счет прозрачности ее границ и гибкости основных постулатов, она способна включать в себя сильно различающиеся между собой подходы. Обратная сторона этого – некоторые потери во внутренней согласованности, но, учитывая, что адресуется системный подход, в первую очередь, специалистам, хорошо понимающим, что реальный исследовательский процесс никогда не дотягивает по последовательности до теоретических картин мира, а не студентам, лишь начинающим свое знакомство с предметом, это воспринимается как допустимый недостаток.

И, наконец, что касается заложенных в них исследовательских образцов (парадигм в узком смысле этого слова (Kuhn, 1977)), теория деятельности имела в виду университетскую лабораторию в том виде, в котором она сложилась в XIX в. и просуществовала до Второй мировой войны. Исследования, осуществлявшиеся в таком контексте, подразумевали небольшие коллективы, состоящие, как правило, из определявшего цели и методы руководителя-профессора и небольшого числа ассистентов. В свою очередь, системная теория – это порождение послевоенной «большой» науки. Решавшиеся ею задачи превосходили по масштабу возможности одного отдельно взятого специалиста и требовали формирования команд с

В.И. Коннов

Столкновение парадигм в советской психологии 1970-х:
теоретические и социально-политические истоки

разделением функций. Цели здесь задавались преимущественно практическими проблемами, а результаты выражались в форме, доступной и понятной условному заказчику, которого волновали не столько их соответствие теориям, сколько практическая применимость.

Значение теоретической дискуссии между Леонтьевым и Ломовым имеет значение, выходящее за пределы эпохи 1970-х гг. Оба автора сохраняют свое влияние в отечественной психологии, что отражается, в частности, и в тенденциях цитирования в ведущих психологических изданиях (Коннов, Юревич, 2014). При этом внимание психологического сообщества сконцентрировано, скорее, на Леонтьеве. Исходя из приведенного анализа можно предположить, что в силу ряда причин в российской психологии оказалась востребована его парадигма, для которой характерны уклон в теорию, компактные, экономичные эксперименты и акцент на стройности изложения. В условиях последних десятилетий парадигма Ломова вызывала меньший интерес и ожидать перелома в отношении к его наследию будет резонно в том случае, если произойдут серьезные перемены в положении самой психологии, если она вновь станет предметом целенаправленной поддержки, прежде всего государственной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1980.

Зинченко В.П., Леонтьев А.Н., Ломов Б.Ф., Лурия А.Л. Парапсихология: миф или реальность?
// Вопросы философии. 1973. № 3. С. 128-136.

Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Советская психологическая наука в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. М.: МосГУ, 2006.

Кондратьев М.Ю. Отечественное профессиональное психологическое сообщество. М.: Генезис, 2015.

В.И. Коннов

Столкновение парадигм в советской психологии 1970-х:
теоретические и социально-политические истоки

- Коннов В.И., Юревич М.А.* Тенденции цитирования в российских и зарубежных психологических журналах // Вопросы психологии. 2014. №2. С. 42-51.
- Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2003.
- Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е.* Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2005.
- Леонтьев А.Н.* Чувственный образ и модель в свете ленинской теории отражения // Вопросы психологии. 1970. №2. С. 34-45.
- Леонтьев А.Н.* Проблема деятельности в психологии // Вопросы философии. 1972. № 9. С. 95-108.
- Леонтьев А.Н.* Биологическое и социальное в психике человека // Избранные психологические произведения. В 2-х тт. Т. 1. М.: Педагогика, 1983. С. 76-95.
- Леонтьев А.Н., Ломов Б.Ф.* Человек и техника // Вопросы психологии. 1963. № 5. С. 29-37.
- Леонтьев А.Н., Ломов Б.Ф., Кузьмин В.П.* Актуальные задачи психологической науки // Коммунист. 1976. №6. С. 73-82.
- Ломов Б.Ф.* Человек и техника. Очерки инженерной психологии. М.: Советское радио, 1966.
- Ломов Б.Ф.* О системном подходе в психологии // Вопросы психологии. 1975. № 2. С. 31-45.
- Ломов Б.Ф.* Соотношение социального и биологического как методологическая проблема психологии // Вопросы философии. 1976. № 4. С. 83-95.
- Ломов Б.Ф.* К проблеме деятельности // Психологический журнал. 1981. № 5. С. 3-22.
- Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Мясищев В.Н.* Личность и неврозы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1960.
- Пономаренко В.А.* На чьих плечах стоим. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Постановление Президиума Академии наук СССР 16 декабря 1971 г. АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 957. Л. 17-19.
- Протокол № 1 заседания Ученого Совета ИП АН СССР от 30 января 1973 года. АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 9.
- Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.
- Стенограмма первого заседания Ученого Совета Института психологии. 29 июня 1972 года. АРАН. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 3.

В.И. Коннов

Столкновение парадигм в советской психологии 1970-х:
теоретические и социально-политические истоки

Стоюхина Н.Ю., Журавлев А.Л. «Павловская» сессия: новое прочтение // Психологический журнал. 2021. Т.42. № 5. С. 49-58.

Экспериментально-психологические исследования в авиации и космонавтике / Отв. ред. Б.Ф. Ломов, К.К. Платонов. М.: Наука, 1978.

Kuhn T. The Essential Tension. Chicago: The University of Chicago Press, 1977.

Sirotkina I., Smith R. Russian Federation // Baker D. (ed.) The Oxford Handbook of the History of Psychology: Global Perspectives. N.Y.: Oxford University Press, 2012. P. 412-441.

BIBLIOGRAFICHESKIJ SPISOK

Anan'ev B.G. Izbrannye psihologicheskie trudy. M.: Pedagogika, 1980.

Zinchenko V.P., Leont'ev A.N., Lomov B.F., Luriya A.L. Parapsihologiya: mif ili real'nost'? // Voprosy filosofii. 1973. № 3. S. 128-136.

Kol'cova V.A., Olejnik YU.N. Sovetskaya psihologicheskaya nauka v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945. M.: MosGU, 2006.

Kondrat'ev M.YU. Otechestvennoe professional'noe psihologicheskoe soobshchestvo. M.: Genezis, 2015.

Konnov V.I., YUrevich M.A. Tendencii citirovaniya v rossijskih i zarubezhnyh psihologicheskikh zhurnalakh // Voprosy psihologii. 2014. №2. S. 42-51.

Kun T. Struktura nauchnyh revolyucij. M.: AST, 2003.

Leont'ev A.A., Leont'ev D.A., Sokolova E.E. Aleksej Nikolaevich Leont'ev. Deyatel'nost', soznanie, lichnost'. M.: Smysl, 2005.

Leont'ev A.N. Chuvstvennyj obraz i model' v svete leninskoj teorii otrazheniya // Voprosy psixologii. 1970. № 2. S. 34-45.

Leont'ev A.N. Problema deyatel'nosti v psixologii // Voprosy filosofii. 1972. № 9. S. 95-108.

Leont'ev A.N. Biologicheskoe i social'noe v psixike cheloveka // Izbranny'e psixologicheskie proizvedeniya. V 2-x tt. T. 1. M.: Pedagogika, 1983. S. 76-95.

Leont'ev A.N., Lomov B.F. Chelovek i texnika // Voprosy psixologii. 1963. № 5. S. 29-37.

Leont'ev A.N., Lomov B.F., Kuz'min V.P. Aktual'ny'e zadachi psixologicheskoy nauki // Kommunist. 1976. №6. S. 73-82.

Lomov B.F. Chelovek i texnika. Oчерki inzhenernoj psixologii. M.: Sovetskoe radio, 1966.

Lomov B.F. O sistemnom podxode v psixologii // Voprosy psixologii. 1975. № 2. S. 31-45.

В.И. Коннов

Столкновение парадигм в советской психологии 1970-х:
теоретические и социально-политические истоки

- Lomov B.F. Sootnoshenie social'nogo i biologicheskogo kak metodologicheskaya problema psixologii // *Voprosy` filosofii*. 1976. № 4. S. 83-95.
- Lomov B.F. K probleme deyatel`nosti // *Psixologicheskij zhurnal*. 1981. № 5. S. 3-22.
- Lomov B.F. *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy` psixologii*. M.: Nauka, 1984.
- Myasishhev V.N. *Lichnost` i nevrozy`*. L.: Izd-vo LGU, 1960.
- Ponomarenko V.A. *Na ch`ix plechax stoim*. M.: Izd-vo «Institut psixologii RAN», 2012.
- Postanovlenie Prezidiuma Akademii nauk SSSR 16 dekabrya 1971 g. ARAN. F. 2. Op. 6. D. 957. L. 17-19.
- Protokol № 1 zasedaniya Uchenogo Soveta IP AN SSSR ot 30 yanvarya 1973 goda. ARAN. F. 2097. Op. 1. D. 9.
- Rubinshtejn S.L. *Principy` i puti razvitiya psixologii*. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1959.
- Stenogramma pervogo zasedaniya Uchenogo Soveta Instituta psixologii. 29 iyunya 1972 goda. ARAN. F. 2097. Op. 1. D. 3.
- Stoyuxina N.Yu., Zhuravlev A.L. «Pavlovskaya» sessiya: novoe prochtenie // *Psixologicheskij zhurnal*. 2021. T.42. № 5. S. 49-58.
- E`ksperimental`no-psixologicheskie issledovaniya v aviacii i kosmonavtike / Otv. red. B.F. Lomov, K.K. Platonov. M.: Nauka, 1978.
- Kuhn T. *The Essential Tension*. Chicago: The University of Chicago Press, 1977.
- Sirotkina I., Smith R. Russian Federation // Baker D. (ed.) *The Oxford Handbook of the History of Psychology: Global Perspectives*. N.Y.: Oxford University Press, 2012. P. 412-441.

В.И. Коннов

Столкновение парадигм в советской психологии 1970-х:
теоретические и социально-политические истоки

PARADIGM COLLISION IN SOVIET PSYCHOLOGY OF THE 1970S: THEORETICAL AND SOCIOPOLITICAL CAUSES^{}**

V.I. Konnov*

*Ph.D. (sociology), associate professor, A.F. Shishkin department of philosophy, FSAEE HE MGIMO University, MFR of Russia; 76, Vernadskogo av., Moscow, 119454; e-mail: v.konnov@inno.mgimo.ru

Summary. The article analyzes the discussion about the activity theory, which erupted in the Soviet psychology in the 1970s. The key participants were the author of the theory A.N. Leontiev and B.F. Lomov, who was strongly in favor of adopting systems approach as a framework for the whole of psychology. The main material under analysis are the articles of the two authors, their public addresses, which are examined within the sociopolitical situation in the Soviet science of the 1970s. The main themes discussed are the problem of the biological and the social in the psychology, understanding of “reflection” as a psychological category, question of the nature of the psyche. The analysis is based on the hypothesis that apart from the theoretical differences the cause of this discussion was a conflict between different groups within Soviet psychology represented by A.N. Leontiev and B.F. Lomov. Examination of the historical circumstance shows that Leontiev represented university psychology aimed at a high level of theoretical originality, rejection of appeals to foreign psychology, compact experiments and concentration on teaching. Lomov on the other hand was speaking on behalf of the Academy of Sciences type of psychology, which could be characterized by large-scale experiments, applied work and a readiness to use foreign methods and approaches when necessary. A conclusion can be made that the collision of the activity theory and systems approach can be considered a conflict between two paradigms of Soviet psychology, each sprouting from a certain epoch: activity theory from the 1920-30s, characterized by scarcity of resources for research, accentuation of teaching and a special attention to formulations, due to rigid ideological control; systems approach from the era of big science, typified by separation of psychological profession not necessarily connected to teaching, and expansion of cooperation with a different clients, interested in clarity of methods and results.

Keywords: history of Soviet psychology, systems psychology, activity theory, paradigms of psychology, Institute of psychology RAS.

^{**} The study in this article was supported by RFBR, № 16-06-00928.